

НАЛОГОВОЕ ОБЛОЖЕНИЕ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII в.

Основным консолидирующим признаком посадских людей, который отличал их от других групп населения, занимающихся торгово-ремесленной деятельностью, была сумма налогов, составлявшая посадское «тягло». Новый член посадской общины это, прежде всего, участник в уплате податей, а также в отправление местных повинностей.

Сбором налогов на местах ведала приказная бюрократия во главе с воеводой, который назначался в Москве в Разрядном приказе из числа князей, бояр или дворян сроком на 1–3 года, в зависимости от обстоятельств. В его руках сосредотачивались все нити управления городом. Занимаясь сбором податей и пошлин, воевода и его приближенные иногда доводили широкие массы посадских людей до полного разорения. В Ельце, например, посадские люди на воевод и на приказных людей «неволею» сено косили, и пиво варили, и дрова возили, и «всякое изделие» делали вместо вотчинных крестьян¹. Кроме этого, елецкие посадские люди были обязаны нести караульную службу у ливенской башни, это отрывало их от непосредственных занятий и приводило к оскудению. Московское правительство препятствовало этим злоупотреблениям, которые порой становились причиной бегства посадских людей на Дон, в вольные казачьи городки. Сборщики «в стрелецком хлебе и в деньгах воронежским сошным людям делали продажи и убытки великие. И многие уездные люди от тех продаж и убытков охудали, а иные, покиня свое тягло, разошлись по городам»².

Хотя до 80-х гг. XVII в. главным должностным лицом, ведавшим сбором налогов, был воевода, кроме него этим занимались и другие лица. В таможне и на кружечном дворе сбор налогов вели таможенные кабацкие головы и целовальники, которые могли также происходить из посадской среды. Непосредственными сборщиками налогов у посадских людей были земские старосты и земские целовальники. После сбора налоговые поступления передавались в съезжую избу воеводе.

После финансовой реформы 1679–1681 гг. воеводы устранялись от сборов стрелецкой подати и косвенных налогов. Стрелецкая подать собиралась в городах выборными городскими органами, а центром стал Стрелецкий приказ. Косвенные налоги поступали в приказ Большой Казны. Был также указ от 1 марта 1698 г., который предписывал стрелецкие деньги земским старостам собирать «мимо воевод». Воеводская власть с ее прихотями рассматривается как главная причина неисправности посадских платежей. Отсюда стремление изъять посадское население из ее ведомства³.

Основную группу прямых налогов составляли так называемые окладные сборы (налоги), собиравшиеся ежегодно по установленному правительственному окладу⁴. Жизнь посадских людей была тесно связана с существованием так называемой «государевой десятинной пашни». Десятинная пашня создавалась в некоторых южных и сибирских городах с целью сосредоточения казенного хлеба в государственных житницах. В отличие от пашенных земель, находившихся в частном владении и измерявшихся в четвертях, «государева» земля измерялась в десятинах.

Работа на ней была тяжелой обязанностью не только служилых, но и посадских людей Воронежа, по сути дела, государственной барщиной. В 1619 г. в Воронеже было высеяно 100 дес. ржи и овса. Это значит, что фактически было по 300 дес., так как в то время при трехпольной системе земледелия измерялась лишь третья часть земли. Из этих запасов хлеб посылали на Дон к атаманам и казакам. Но так как экономической необходимости в существовании десятинной пашни в городах юга России не было, то уже в 1621 г. во многих городах она была упразднена и заменена натуральным хлебным налогом, который сначала назывался «десятинным хлебом», а затем «посопным хлебом»⁵. Но так было не везде. Елецкие посадские люди и в середине XVII в. указывали, что они десятинную пашню пашут⁶.

Правительство Алексея Михайловича также продолжило собирать с горожан налоги в виде хлеба: независимо от профессии посадские люди вносили натуральный сбор ратным людям (стрелецкий хлеб), четвериковый хлеб для отправки по Дону (в донской отпуск) и посопный хлеб (взамен обработки десятинной пашни) по 21 четв. ржи и 21 четв. овса со двора⁷. Так как многие горожане уже перестали заниматься сельским хозяйством, то хлебные сборы их очень тяготили. Для взноса этих налогов посадские люди вынуждены были покупать хлеб у перекупщиков на рынке за очень высокую цену или везти его из других мест. Хлеб для выплаты налогов доставался горожанам «дорогой ценой»: в Москву для его закупки посылали целовальника или подрядчика. Эти поездки дорого обходились посадским людям. Так хлеб в эти времена становится предметом купли-продажи и подрядчики от того «себе чинят великие прибыли», а посадским людям от того «великое утеснение». Кроме того, и подрядчики не всегда были людьми честными. Среди них были те, кто, собрав деньги, пропа-

дал вместе и ними, и тогда посадским людям приходилось нанимать других людей для покупки хлеба, а это тоже приводило к немалым убыткам. Еще дороже делал хлеб тот факт, что подрядчики покупали его не в южных городках, а в Москве, где цены на хлеб были, естественно, гораздо выше⁸.

Число безземельных посадских жителей возрастало. Например, дозорная книга Воронежа 1615 г. называет 77 чел. из среды посадских людей, не имеющих земельных участков. Из-за этого горожанам приходилось покупать хлеб для взноса налога. Город все больше отделялся от сельского хозяйства. Видимо, это учло, наконец, и правительство⁹. В 1672 г. царь Алексей Федорович из-за того что продолжались набег татар предлагает увеличить количество стрельцов, а если будет увеличено количество стрельцов, то соответственно возрастут расходы на их содержание. Это приведет и к возрастанию налогов с посадских людей. Поэтому для лучшего и более надежного пополнения казны правительство предписало собирать стрелецкий хлеб только с уездных людей, а с посадских — деньги: «для того, что они люди торговые, а не пашенные», поэтому хлеба с них «не иметь, а за четверть ржи да за четверть овса по 2 рубли в нашу великого государя казну»¹⁰.

Таким образом, посадские люди платили уже не натуральный, а денежный налог — «стрелецкие деньги» — на содержание ратных людей. Кроме этого, взимались деньги «полоняникам на откуп» (для выкупа пленных). По Уложению 1649 г. ставка сбора «полоняничных» денег со двора составляла от 4 до 8 д. со двора¹¹. Сумма полоняных денег в 1678 и 1679 г. составила 8 д. со двора в год¹².

Вносили посадские люди сборы за «даточных людей», призывавшихся в армию. Даточных солдат, кроме всего прочего, воронежским посадским людям пришлось «возить к Москве на подводах <...> и одевать зипунами и шубами». Это, естественно, вызвало недовольство посадского мира, и они подали жалобу на злоупотребления земского старосты Тимофея Моисеева¹³. Платила эта категория населения и ямские деньги на содержание ямов и предоставление подвод для казенных нужд.

Правительство Михаила Романова, остро нуждавшееся в деньгах, прибегало к чрезвычайным сборам — «пятиной деньге» (пятая деньга составляла 20 % оценки «животов», т. е. имущества и промыслов). В течение 1613–1645 гг. этот тяжелый для горожан сбор производился семь раз. В 1689 г. было приказано собрать «ратным людям на жалование» десятую деньгу¹⁴. Это был также внеплановый, дополнительный налог.

В 1678–1681 гг. была проведена финансовая реформа, которая консолидировала прежние сборы слив их в две большие прямые подати — стрелецкую и ямскую, — наложенные на различные классы населения. Стрелецкой, наиболее тяжелой податью — от 80 коп. до 2 руб. со двора — были обложены посадские люди городов и чернососшные крестьяне поморских уездов. Ямской податью, несравненно более легкой, было обложено крепостное крестьянское население церковных вотчин (10 коп. со двора) и служилых вотчин и поместий (5 коп.).

Отдельным налогом считался государственный оброк за дворы и лавки. За владение двором посадский человек платил определенный налог, естественно, если он являлся владельцем ни одного, а нескольких дворов, то «тянуть тягло» ему приходилось со всех принадлежащих ему дворовых мест¹⁵. Причем, налог этот мог в некоторых городах отличаться для разных дворов, но в Ельце в середине XVII в. оброк составлял 10 алт. со двора¹⁶. По Воронежу годовой оброк с посадского населения в 40–50-х гг. XVII в. составлял 277 руб. 20 алт.

На протяжении большей части XVII в. сумма налога с одной лавки в Воронеже оставалась стабильной — 17 алт. 2 д. Поэтому увеличение общей суммы налога с этой статьи дохода шло только за счет расширения количества лавок. В 1670/71 г. со 131 лавки собрали 68 руб. 9 алт. оброка, а с 14 полок — 2 руб. с гривной оброка, по 5 алт. с полки¹⁷. В 1681 и 1682 гг. со 132 оброчных лавок всего было собрано 137 руб. 9 алт. 2 д., по 17 алт. 2 д. с лавки¹⁸. Есть сведения, что такой оброк существовал с 1666 по 1677 г.¹⁹ Оброк новопостроенных лавок был неодинаков. Так, если с новопостроенной лавки Давыдки Иконника за 1681 и 1682 гг. оброк составлял 10 алт., то есть по 5 алт. в год, то с новопостроенной лавки Кузьмы Масалитинова в 1682 г. оброк составил 17 алт. 2 д.²⁰ Общий объем собираемого налога с лавок в Белгороде в 1648 г. составил 6 руб. 2 д., в 1657 г. — 6 руб. 29 алт. 2 д. В 1648 г. разброс сумм налога с лавок был весьма значительным — от 3 д. до 9 алт. 2 д.²¹ Таким образом, средняя сумма составляла 2 алт. 2 д., что значительно ниже сборов в Воронеже.

Все лавки в Ельце облагались достаточно высоким налогом в 0,5 руб. Лишь за одно место платили 3 алт. 2 д. С 1671 по 1694 г. произошло уменьшение этого налога, так как сумма в 0,5 руб. оказалась неподъемной и завышенной для большинства торговых заведений. В 1694 г. владельцы старых лавок в Ельце платили по 6 алт. 4 д., а с лавочного места по 3 алт. 2 д. налога. Суммы налогообложения новых лавок разнились от 2 алт. 2 д. до 0,5 руб.²² В Курске в середине XVII в. оброк с ла-

вок также был не одинаков — самым распространенным был оброк в 6 алт. 2 д., но он мог быть как выше, так и ниже указанной суммы²³.

Диапазон оброчных сумм, бравшихся с торгово-промысловых мест иных типов, в Курске находился в пределах от 5 до 40 коп. При этом даже с незастроенного лавочного места, принадлежавшего посадскому человеку К. Левонову, оброк взимался в таком же размере, как с наиболее доходных полок и скамей²⁴.

Таможенные сборы — налог на внутреннюю торговлю — взимался в городских таможах с привозимых в город и продаваемых в нем товаров. Следовательно, местом их получения был город, где производилась торговля²⁵. В таможе платили пошлины те, кто приезжал в город для продажи товаров, и те, кто уезжал торговать в другое место. Попытка миновать таможду, вести торговлю без уплаты пошлин наказывалась особым штрафами — «протаможьем» или «промытом», которые были фиксированы и налагались вне зависимости от стоимости товара. Следует отметить тот факт, что эти сборы посадские люди платили наряду с иными группами населения, занимавшимися торговлей.

До издания Таможенного устава 1653 г. в каждом городе действовали свои принципы взимания таможенных сборов, различны были и их размеры. Как отмечает А. И. Раздорский, в Курске за период с 1619 по 1653/54 г. было зафиксировано 15 наименований различных таможенных пошлин. Главной среди них была рублевая пошлина, взимавшаяся с цены продаваемого или покупаемого товара. До реформы ее размер напрямую зависел от местожительства продавца или покупателя. Куряне платили 1,25 % от общей стоимости товара, жители других русских городов — 2,5 %, а иноземцы — 3,5 %. Кроме этого, на таможе брались различные регистрационные взносы (явка, херное, записка) и т. п.

Указ 25 октября 1653 г. «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием поскольку взято и каких товаров» стал первым обобщающим в русском законодательстве законом по правилам торговли. Этот акт устанавливал единую для всех таможенных обложений рублевую пошлину взамен многочисленных прежних налогов, ликвидировал проезжие сборы, вызывавшие наибольшее раздражение у торговцев. Устанавливался пятипроцентный налог с цены товара или 10 денег с рубля продажной цены. Причем, в случае привоза денег на покупку товара с продавца сначала брали 5 денег с рубля за покупку, а затем еще 5 денег с рубля за продажу товара²⁶. Упраздняясь дифференциация между местными и иногородними торговцами.

Согласно этому акту, воронежский посадский человек Михаил Меньшиков должен был заплатить откупщику Л. Елизарьеву в общей сложности 22 руб. 16 алт. 4 д.: с 206 лисиц — 8 руб. 28 алт. 3 д., с 14 белуг — 25 алт., с 2 пудов воска — 16 алт. 4 д., с 2 кульков клея — 12 алт. 3 д., с 12 бочек и 2 кадок икры весом 228 пудов — 9 руб. 25 алт. 2 д., с бочки белужины — 8 алт. 2 д., но эти таможенные пошлины он заплатил в разных городах²⁷. На таможе были специальные таможенные книги, куда записывались товары, а по уплате налога посадскому человеку давалась выпись²⁸. То есть с людей, прибывавших для торговли в город или выезжавших из него, взимались проезжие пошлины с учетом количества приехавших людей, транспорта, на котором они прибыли, характера и разнообразия товаров²⁹.

Всего в Воронеже в таможе и кабаке в 1659–1661 гг. было собрано 1850 руб. (суммы округлены). В 1661–1662 гг. сумма увеличилась до 1860 руб., а в 1675 г. до 2033 руб. Расходы же на содержание таможи и кабака в 1675 г. составили 53 руб. В Белгороде сумма налоговых сборов была несколько выше: в 1659–1661 г. — 4017 руб., в 1661–1662 гг. — 4054 руб. В 1675 г. эта цифра сократилась до 1886 руб.³⁰ Даже эти примеры показывают, что сумма таможенных сборов в южных городах была неоднородной. В зависимости от внешних и внутренних факторов объемы торговли то увеличивались, то падали, и пропорционально им росли или уменьшались таможенные сборы.

В дополнение к натуральным и денежным сборам был еще целый ряд особых повинностей. Например, в связи с тем что через Воронеж в Крым, Турцию и на Кавказ проезжали посольства, местные посады были обязаны устраивать для них «посольские проводы», создавать хлебные запасы, строить струги и т. п. К концу XVII в. у посадских людей особенно часто покупались или отписывались на государево имя струги и будары³¹. При этом продажа проводилась отнюдь не всегда по доброй воле.

На фитильное дело с курских посадских людей собирали в 1680 г. лен и лошадей, а в донские отпуска железо и смолу. Они обязаны были конопатить струговые припасы и оковывать колеса³². В обязанности курских посадских людей до 1686 г. входило строительство дворов для калмыков, а также поставка сена и дров для боярских и дьячих дворов, но по челобитью они были освобождены от этих повинностей и «никаких поборов кроме податей с них имать не велено»³³. В условиях русско-турецкой войны середины 1670-х гг. на жителей Воронежа легли дополнительные обязанности —

строить суда, грузить на них зерно, доставленное из разных городов. При этом иногородние, привезшие продовольствие, были распушены по домам и вся тяжесть ложилась на воронежцев.

Все эти сборы и налоги составляли посадское «тягло», невыплата которого каралась очень жестоко: тюрьма, порка, битье палками, батогами. Так как до принятия Соборного уложения 1649 г. белые слободы освобождались от многих налогов и повинностей, это приводило к «закладничеству». Например, в Курске в 30-х годах XVII в. данное явление было широко распространено: посадские люди, стремясь ослабить тяжесть налогового бремени, переходили под юрисдикцию монастырских властей, обретая тем самым более благоприятное экономическое положение³⁴. Лишенная части дохода государство с 1649 г. вело активную борьбу с этим.

Частым явлением в XVII в. были недоборы, когда сумма реально собранного налога была меньше установленной. В посадской среде земский староста был ответственным за погашение недоимок. Например, в 1684 г. в Воронеже земский староста Напрасной слободы Алексей Проскуряков подал челобитную на бывшего земского старосту Афанасия Сергеева сына Савостьянова о недоборе оброчных денег за 1679, 1681 и 1682 гг. из лености³⁵. Долгие годы воронежцы имели недоимки по выплате натурального налога, и лишь при жестком управлении воеводы М. А. Вельяминова все недоимки были взысканы, несмотря на сопротивление населения, после чего долг перед казной был покрыт³⁶.

Таким образом, в течение XVII в. правительство старалось усовершенствовать систему налогообложения посадских людей, как с учетом интересов этой группы населения, отменяя вначале десятинную пашню, затем заменяя посопный хлеб на денежный налог, так и с учетом собственных интересов, так как все эти меры увеличивали денежные поступления в казну.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Стб. 563. Л. 103–105.

² *Чистякова Е. В.* Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. [Воронеж], 1953. С. 5–8.

³ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биогра. М., 2007. Т. 3: Стрелец. розыск. Воронеж. кораблестроение. Гор. реформа 1699 г. Карловиц. конгр.: 1698–1699. С. 270–271.

⁴ *Скобелкин О. В.* Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 47.

⁵ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: Док. и материалы по истории края. Воронеж, 1976. С. 54–55.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Стб. 563. Л. 103–105.

⁷ *Чистякова Е. В.* Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в. // Труды Воронежского гос. ун-та. Л., 1954. Т. 25. С. 51.

⁸ ГАВорО. Ф. И-182 (Воронежская приказная изба). Оп. 2. Д. 10. Л. 6–10.

⁹ *Чистякова Е. В.* Ремесло и торговля... С. 51.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

¹¹ *Скобелкин О. В.* Формы эксплуатации... С. 52.

¹² ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 201. Л. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Стб. 514. Л. 323.

¹⁴ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 321. Л. 7.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований: Исслед. СПб., 1890. С. 307.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Стб. 29. Л. 252 об., 256.

¹⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 200. Л. 1–4.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 201. Л. 2.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–2.

²¹ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 378.

²² Там же. С. 380–381.

²³ РГАДА. Ф. 210. Стб. 29. Л. 246–249.

²⁴ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 100.

²⁵ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы к биогра. Т. 3. С. 274.

²⁶ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 42.

²⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 107. Л. 2–3.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 181. Л. 1.

²⁹ *Флоря Б. Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII в) // ИЗ. 1990. Т. 118. С. 330

³⁰ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 584–586.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Стб. 1688. Л. 51–63

³² Там же. Ф. 210. Стб. 995. Л. 238.

³³ Там же. Ф. 210. Стб. 1525. Л. 234.

³⁴ Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке. С. 105.

³⁵ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 172. Л. 1.

³⁶ Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007. С. 82.

А. И. Панков

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ ДЛЯ СНАБЖЕНИЯ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Большой интерес представляют вопросы, связанные с деятельностью Русской Православной Церкви (РПЦ) в качестве организации, отвечающей за состояние мировоззрения общества в первой половине XVII в. С этой точки зрения Юг России является уникальной территорией. Здесь переплелись: необходимость противостояния католическо-униатской экспансии с Запада, постоянная опасность с мусульманского Юга, особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения.

Учитывая расширение государственной территории на протяжении XVI–XVII столетий, необходимо отметить определенную условность и изменение содержания понятия «Юг России» в указанный период. Данное понятие применительно к концу XVI — первой половине XVII в. в контексте избранной для исследования проблемы можно ограничить Окой на севере и территорией Белгородской черты XVII в. на юге. Особенности изучаемой территории являются невысокая плотность населения, доминирование в его составе военно-служилых людей и, как следствие, невысокий уровень доходов местных жителей. Кроме того, в первой половине XVII в. на Юге России практически отсутствовало крупное землевладение. Перечисленные факторы отражались на имущественном положении храмов и монастырей, функционировавших на этой окраине страны.

В научной литературе уже обосновано мнение о том, что в рассматриваемое время монастыри Юга России сами не могли обеспечить своего существования. В итоге государство вынуждено было оказывать им материальную помощь, так как монастырь того времени выполнял функции богадельни для раненых, больных и бездомных¹. Поддержка оказывалась не только монастырям, но и храмам. Поэтому можно предположить, что в ее основе лежало не только стремление решать при помощи РПЦ социальные проблемы отдельных категорий населения, но и желание обеспечить создание определенной идеологической обстановки на приграничных территориях. В результате государство брало на себя ряд обязательств по материальному обеспечению деятельности храмов и монастырей. На практике это выливалось в выделение земли и других хозяйственных угодий, установление денежного или натурального жалованья (руги), предоставление различного рода льгот и выделение имущества, прежде всего икон, облачения священнослужителей, колоколов и другой церковной утвари. Учитывая сначала обстоятельства основания крепостей на южном рубеже страны и необходимость помощи в восстановлении окраин, пострадавших в годы Смуты, а затем постоянное увеличение количества церквей и монастырей в регионе, решение указанной задачи представляется делом довольно непростым.

Так, в 1594 г. были приобретены в Москве и отправлены в Воронеж для Успенского монастыря деисус, два колокола, книги: Евангелие, Часослов, Шестоднев, Минея общая, Псалтырь печатная с Часовником². Строельная книга Валук 1599 г. свидетельствует о выдаче воеводе кн. В. В. Кольцову-Мосальскому и голове Судаку Мясному «церковного строенья» для храмов, которые надлежало выстроить в новом городе. Причем, церковной утвари в столице было выделено вполне достаточное количество: два больших образа «на золоте» — Богоматери Владимирской и великомучеников Бориса и Глеба, а также деисус, запрестольный образ Пречистой Богородицы и запрестольный крест. Кроме того, царские и северные двери с завесами, 30 образов господских праздников, Богородицы и других святых «на золоте», воздвизальный крест, церковные сосуды с сундуком для их хранения (в том числе медная чаша для водоствяття), срачицы на жертвенники и престол, четыре блюда, два комплекта иерейского облачения (ризы, подризники, пояса, епитрахили), а также дьяконский стихарь и орарь. Были выделены следующие церковные и богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Трифолой, Минея общая, Псалтырь, Часовник и два Служебника. Следует также упомянуть аналой и медное паникадило, а также два церковных колокола, один весом в три, а другой — в четыре пуда³. Из наказа воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву о постройке г. Царевоборисова в 1600 г. известно, что строителям были выделены не только вооружение, боеприпасы, продовольствие, но и «образы, и